

ских географических наименований. Наконец, основные положения работы и фактический материал могут быть использо-

ваны при дальнейшем изучении марийской топонимии.

А. Н. КУКЛИН (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1986.1.16>

ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ

С 24 по 30 июля 1985 года в столице Коми АССР г. Сыктывкаре, т. е. вторично в Советском Союзе, проходил VI Международный конгресс финно-угроведов. В его работе приняли участие более 700 ученых из 18 стран. Председателем оргкомитета был академик Б. А. Серебренников, почетным председателем конгресса — академик АН ЭССР П. Аристэ.

Среди шести докладов, представленных на пленарные заседания, с вопросами языкознания были связаны четыре. В докладе А. Микушева, Г. Бараксанова и Л. Жеребцова (Сыктывкар) дан обзор развития финно-угроведения в Коми АССР. Р. Ауслерлиц (Нью-Йорк) выступил на тему «Пермский центр». П. Хайду (Будапешт) анализировал окончания 2-го лица в уральских языках. В докладе П. Аристэ (Тарту) и А. Лаанеста (Таллин) рассматривались актуальные проблемы исследования прибалтийско-финских языков. Поскольку журнал «Советское финно-угроведение» (см. СФУ XXI 1985, с. 81—126 и XXII 1986, с. 1—8) опубликовал тексты этих докладов, подробнее останавливаться на них здесь не имеет смысла.

Работа конгресса проходила в восьми секциях (три из них — по языкознанию): 1) грамматика и фонетика (две группы), 2) диалектология и языковые контакты, 3) история финно-угорских (уральских) языков (две группы), 4) этнография, 5) археология и физическая антропология, 6) фольклористика, 7) литературоведение, 8) экономические и социальные преобразования в Коми АССР. Состоялось, кроме того, два межсекционных заседания, одно из которых было посвящено 150-летию первой публикации «Калевалы», второе — вопросам этногенеза пермских народов.

Поскольку лишь в секциях языкознания прозвучало более 230 докладов, а кроме того, представившие интерес с точки

зрения языкознания выступления были на межсекционных заседаниях, а также в секциях антропологии, археологии и этнографии, в настоящем обзоре придется коснуться лишь части докладов, но и это — по возможности коротко.

В одной из групп секции грамматики и фонетики 42 доклада посвящались вопросам морфологии. Р. Хармс (Остин) рассматривал образование множественного числа двусложных слов в прибалтийско-финских языках. Он предполагает, что уже в прибалтийско-финском праязыке началось образование множественного числа диссимилиативным путем и в эстонском языке достигнуто оптимальное контрастное противопоставление единственное число : множественное число. Рассматриваемые пути развития он считает не прямыми результатами звукоизменений, а скорее функциональными по характеру. 1) На завершающем этапе развития прибалтийско-финского праязыка произошла лабиализация $a > o$ перед знаком множественного числа i , если первый слог не содержал лабиального гласного, 2) в финских и эстонских диалектах $i+i > ei$ как противопоставление первичному $e+i > i(i)$, 3) в эстонских и западноводском диалектах в основах на i и u появился признак множественного числа a (произошел из окончания паритива), 4) в эстонских диалектах в результате синкопы образовалось множественное число на e , 5) исходя из тех же предпосылок, легко объяснить возникновение множественного числа в кодавереском диалекте. Образование множественного числа в ливском языке рассматривал Э. Вяэри (Тарту), о выражении собирательной множественности в марийском языке говорила Е. И. Коведяева (Москва).

П. Схот-Сайкку (Амстердам) высказала мнение, что финский паритив в качестве объекта лучше толковать при по-

моши синтаксических терминов, чем исходя из результативности или нерезультативности глагола, и что такой подход более полезен при изучении финского языка как иностранного. Г. Тужаров (Йошкар-Ола) в своем докладе показал, что в марийском языке отсутствует немаркированный аккузатив, при выражении объекта словом без падежного окончания мы имеем дело с номинативом. Х. Ремес (Йоэнсуу) сопоставил некоторые финские и эстонские морфологические явления. Х. Сулкала (Оулу) говорила об употреблении падежей для выражения времени в финском и эстонском языках. Доклад Н. Быконя (Томск) был посвящен передаче локальности в селькупском языке. М. Пунтила (Хельсинки) рассмотрел вопрос о выражении абсолютного суперлатива в карельском языке. Для этого употребляются 1) сильное логическое ударение, 2) эмфатическое удлинение, 3) редупликация, 4) усилительный префиксид, 5) усилительное слово. Р. Карельсон (Таллин) анализировал отношения пред- и послелогов в прибалтийско-финских языках. Д. М. Матаи (Будапешт) рассмотрела развитие наречий начиная с угорского праязыка до современного венгерского языка. Она остановилась на изменениях значения и морфемной структуре наречий.

Многие доклады касались глагола. Э. Месарош (Сегед — Будапешт) говорила об эрзя-мордовских глагольных основах. А. Кяхрик (Таллин) рассмотрела интерпретацию параллельных форм при описании системы глагольного словоизменения языка гесп. диалекта на материале вепсского и других прибалтийско-финских языков. Я. Ёйспуу (Таллин) познакомил с морфологической классификацией карельского глагола. В. Юли-Ваккури (Турку) сравнила употребление аффективного имперфекта в финском и соседних с ним языках. В докладе А. Володина и В. Храковского (Ленинград) речь шла об императиве в финно-угорских и самодийских языках. Материал уральских языков также показывает, что императив во многих отношениях отличается от других наклонений, а это позволяет говорить о противопоставлении императив — неимператив. У. Кулонен-Корхонен (Хельсинки) описала функции суффикса пассива **w* в мансийском и финском языках.

П. Кокла (Таллин) рассмотрел систе-

му марийских инфинитных форм и глагольных имен, сопоставив ее с таковой в соседних языках. Е. Цыпанов (Сыктывкар) анализировал каритивное причастие с суффиксом *-tem* в коми языке.

Л. Хонти (Будапешт) говорил о происхождении объектного спряжения. Поскольку объектные глагольные формы во многих уральских языках обязательны при отсутствии в предложении дефинитного объекта, он считает именно это первоначальной функцией объектного спряжения. Выражало его присоединенное к глаголу личное местоимение 3-го лица или анафорическое послеложное указательное местоимение. Возникновение же объектного спряжения относится по меньшей мере к угорскому или самодийскому либо даже уральскому праязыку. М. Салачек (Сегед) анализировала случаи, когда в северномансийском языке употребляется субъектная конструкция при определенном объекте и наоборот — объектная конструкция при неопределенном субъекте. А. Маркантонио (Рим) рассмотрела причины возникновения венгерского объектного и субъектного спряжения. Т. Прокушева (Сыктывкар) описала употребление коми притяжательных суффиксов при обозначении неопределенности.

Х. Рятсеп (Тарту) подверг анализу деривационную нагрузку основной лексики эстонского языка. Оказывается, что чем древнее корни, тем выше у них число производных. Корни с многочисленными словообразовательными гнездами имеют более абстрактное значение. Наибольшее количество производных образовано от корня *esi*, всего 126.

С.-Л. Хахмо (Гронинген) говорила о прибалтийско-финских существительных с основой на *-e* в свете заимствований. Этот к настоящему времени утративший продуктивность тип основы еще в прибалтийско-финском праязыке был, очевидно, продуктивным, так как имеются слова с основой на *-e*, у которых нет соответствий в родственных языках, некоторые основы с *a/ä* превратились в основы на *-e*, кроме того, около 20 балтийских и почти столько же германских заимствований имеют основу на *-e*, хотя источник заимствования предполагает иные гласные основы. В более поздних заимствованиях основы на *-e* очень редки и в таком случае аналогичны. Основам со структурой

*kV(C)r(C)V и проблемам реконструкции финно-угорского праязыка посвятила свой доклад М. С. Бакро-Надь (Будапешт).

В программу второй группы той же секции входили доклады по словообразованию, синтаксису и фонетике, всего 66. С. Варе (Таллин) представила обзор характерных черт именного словообразования в эстонском языке. Об именном словообразовании в карельском языке говорила Л. Маркианова (Петрозаводск). О. Никкиля (Гронинген) анализировал происхождение прибалтийско-финских трехсложных существительных на -rA. Часть из них может быть и более поздними германскими заимствованиями. Л. Калинин (Устинов) рассматривала глагольные имена и причастия с суффиксами *m*, *n* в пермских языках. Х. Неэтар (Таллин) выступила на тему «Заимствованные глаголы и глагольное словообразование (на материале эстонского языка)»; С. Сааринен (Турку) говорила о значении и функциях марийских суффиксов однократного и многократного действия, В. Черных (Сыктывкар) — об агглютинативных тенденциях в комбинациях глагольных суффиксов в коми языке. М. Коски (Турку) рассмотрел словообразование с помощью морфонологических средств в прибалтийско-финских языках. Отношение словообразования и контекста привлекло внимание А. Ряйсянена (Йоэнсуу). К. Матсумура (Токио) анализировал сложные слова эстонского и финского языков, а Б. Шульце (Берлин) — хантыйские сложные слова.

О. Икола (Турку) выявил различия в синтаксисе финского литературного языка и диалектов и вообще письменного и разговорного языков. А. Хаканен (Турку) рассмотрел явления, свойственные синтаксису диалекта Сатакунта в Западной Финляндии, которые представляют интерес и для исследователей синтаксиса других диалектов и синтаксиса речи. П. Немвалтс (Таллин) познакомил с разными синтаксическими теориями, использованными в его учебнике эстонского языка. И. Савиярви (Йоэнсуу) говорил о порядке слов отрицательного предложения в прибалтийско-финских языках. Коммуникативные типы предложений эстонского языка охарактеризовала в своем докладе Х. Метсланг (Таллин). М. Эрелт (Таллин) рассмотрел некоторые основные типы прида-

точных предложений эстонского языка. А. Шутов (Устинов) посвятил свое выступление возникновению и тенденциям развития придаточных предложений в пермских языках. Ю. Варга (Будапешт) говорила о марийских придаточных предложениях времени и заменяющих их конструкциях. Л. Васикова (Йошкар-Ола) дала обзор деепричастных конструкций в финно-угорских языках. З. Дубровина (Ленинград) и В. Лудыкова (Сыктывкар) в совместном докладе сопоставили прибалтийско-финские и коми инфинитные глагольные формы с показателем *m* и образованные с их помощью конструкции. В докладе Н. Мановой (Сыктывкар) речь шла о происхождении коми подчинительных союзов. А. Тайминен (Турку) рассмотрел употребление атрибута в местном падеже в финском языке. М. Зайцева (Петрозаводск) говорила об управлении глагола в вепском языке. Э. Юкхам (Таллин) — в эстонском языке и шведских диалектах в Эстонии. Выражению волюнтаривно-модальных значений в эстонском языке посвятила свое выступление Э. Ууспыльд (Тарту).

Среди докладов по фонетике были как более общие, так и касающиеся проблем какого-нибудь одного языка. К. Вийк (Турку) представил необходимые критерии определения и классификации гармонии гласных. Э. Фанчали (Будапешт) в своем докладе анализировала прауральские сочетания согласных *Sk и *kC с точки зрения самодийского праязыка. Л. Грузов (Йошкар-Ола) говорил о возникновении звонких согласных в финно-угорских языках. Л. Касаткин и Р. Пауфошима (Москва) посвятили свой доклад фонетическим чертам севернорусских диалектов, возникшим под влиянием финно-угорских языков, а Т. Николаева (Москва) — возможному финно-угорскому влиянию на интонацию общего вопроса в русском языке.

М. Хинт (Таллин) рассмотрел просодическую систему эстонского языка в свете ее исторического развития. Он исходит из трех предпосылок: 1) система ударения и система количества представляют собой две самостоятельные просодические подсистемы, 2) следует различать сегментную и просодическую длительность слога, 3) необходимо отдельно толковать употребление лексического и морфологическо-

го количества слога. Праприбалтийско-финский характер имеют качественное чередование (/jalka/ : /jalan/), а также чередование геминатных и одиночных обструентов (/nurkka/ : /nurkan/); после ряда звукоизменений по функциональным причинам последнее перешло и в слова с иной структурой как просодическая альтернатива. И. Лехисте (Колумбус) рассказала об изучении просодии эстонского языка с помощью экспериментального исследования эстонской поэзии. Она исходит из гипотезы, что просодическая система языка наилучшим образом проявляется в собственной языку стихотворной системе. С. Сухонен (Хельсинки) говорил о характерных для водских сегментов гласного чертах и фонетических явлениях в поздних заимствованиях. М. Паландер (Тампере) в своем докладе анализировала предшествовавшую долготу гласному или дифтонгу вторичную геминацию в восточнофинских диалектах, которая к настоящему времени распространилась на многие финские диалекты за рамки ареала своего возникновения.

Довольно много докладов было посвящено фонетике пермских языков. Т.-Р. Вийтсо (Таллин) отметил, что реконструкция пермского вокализма возможна лишь после предварительной реконструкции пракоми и праудмуртского вокализма. Он представил реконструкцию вокализма первого слога пракоми (**u*, **ō*(*o*), **o*, **a*, **e*, **ē*(*e*), **i*, **e*, **ē*(*e*), **i*) и праудмуртского (**u*, **o*, **a*, **e*, **i*, **u*, **e*, **i*) языков и рассмотрел полученные на этой основе 56 противопоставлений пракоми и праудмуртских гласных. История вокализма пермских языков была темой доклада и П. Саммаллахти (Хельсинки) в секции истории финно-угорских (уральских) языков (первоначально запланирована тема «Предистория саамов и историческое языкознание»). И. Батори (Кобленц-Бонн) говорил об утрате гармонии гласных и влиянии этого на пермский вокализм. Р. Баталова (Москва) остановилась на явлениях ассимиляции в пермских языках. В. Фээнкер (Гамбург) описал архитектуру коми языка, для чего он разработал модель описания и анализа. Д. Абондоло (Нью-Йорк) рассмотрел случаи, когда в коми языке чередуются между собой гласный, согласный или утрата

звука. В. Кельмаков (Устинов) анализировал развитие четырех праудмуртских аффрикат в удмуртских диалектах. А. Акмаров (Устинов) коснулся интонации общего вопроса в удмуртском языке.

Е. Ромбандеева (Москва) в своем докладе рассмотрела фонетические процессы в непервых слогах мансийского языка, такие например, как замена гласных переднего и заднего ряда гласными среднего ряда, замена низких и высоких гласных гласными среднего подъема, частичная или полная делабиализация. Положение по диалектам не однородно. Г. Куркина (Новосибирск) говорила о словесном ударении в западных диалектах хантыйского языка.

В. Сусеков (Томск) на базе экспериментального фонетического материала показал становление вокализма энецких диалектов. Н. Деннинг (Томск) анализировала влияние тона и интенсивности на фонетическую систему селькупского языка. Она выделила четыре тона, причем долгие гласные характеризует любой высокий тон. Ш. Купер (Томск) говорил о геминатах кетского диалекта селькупского языка и их количественном чередовании, которое превратилось в морфофонологическое. О. Садовски (Фуллerton/Лос Анжелес) посвятил свой доклад отношениям обско-угорских и калифорнийско-пенутианских языков. Автор привел ряд сопоставлений по звукоизменению праф.-у. **k* > об.-у. **χ* (перед заднерядными гласными), сделав отсюда вывод, что предки пенутианских индейцев Калифорнии сравнительно поздно покинули Евразию.

В программе второй секции языкознания были доклады по диалектологии и языковым контактам. Об основах диалектного членения говорил А. Феоктистов (Москва). Э. Нийт (Таллин) в своем докладе показала, что эстонские диалекты подтверждают предположение о том, что 1) малое количество фонем обуславливает употребление более длинных последовательностей фонем и более сложную просодическую систему имеют языки, в которых последовательности фонем короче, 2) при изменении языков или диалектов может измениться и взаимосвязь между сегментными и просодическими средствами, однако наблюдается тенденция компенсировать усложнение фонемного (просодического) инвентаря за

счет сокращения последовательностей фонем и наоборот. К. Сийтонен (Гёттинген) рассмотрела явление апокопы в юго-восточных диалектах финского языка. М. Лянсимяки (Хельсинки) посвятила свое выступление лексике финских диалектов Вермланда, Х. Паунонен (Нурмиярви) — формированию лексики финских диалектов Северной Финляндии. А. Миеликяйнен (Ювяскюля) в своем докладе обратила внимание на тот факт, что при исследовании современного финского разговорного языка следует учитывать и диалекты, поскольку разговорный язык варьируется и в географическом плане. Наиболее часто встречаются те диалектные черты, что уже давно получили широкое распространение в западных или восточных диалектах. По сравнению с исследованием диалектов изучение разговорного языка связано с определенными методическими проблемами, поскольку разговорный язык более неоднороден, чем диалектный, существуют языки отдельных групп и употребление языка в особых ситуациях, больше приходится считаться с влиянием литературного языка.

А. Кушлин (Йошкар-Ола) рассказал о формировании марийских говоров Приуралья. Н. Исанбаев (Йошкар-Ола) остановился на классификации говоров марийских языковых островков, особое внимание обратив на марийские говоры Башкирии и их связи с лугово- и горномарийским языками. Э. Вертеш (Будапешт) высказала мнение, что между северным и южным диалектами хантыйского языка существует промежуточный диалект, в фонетике и морфологии которого проявляются черты как северного, так и южного диалектов. Ш. Имре (Будапешт) анализировал взаимоотношения общего языка, социолектов и диалектов в венгерском языке. Хотя после второй мировой войны и расширилось употребление общего языка, все же чаще вместо отступающих диалектов используется какой-либо социолект, но не общий язык. Ю. Морев (Томск) говорил о динамике консонантных систем селькупских диалектов.

Несколько докладов было связано с лингвогеографией. А. Лаанест (Таллин) подчеркнул необходимость приступить к составлению прибалтийско-финского лингвистического атласа. Последний призван содержать данные как по лексике, так и

по грамматике, причем при сборе материала особого внимания заслуживает морфология. Для исследования лексики целесообразно обратиться к Э.В. С. Мурумете (Таллин) говорила об автоматическом атласе эстонской диалектной лексики. По мнению Х. Рюдвинга (Упсала), данные ЛАЕ показывают, что в саамском языке наиболее отчетливую диалектную границу имеют на западе диалект Уме и на востоке диалект Инари. В последнее время заметны и более значительные различия, вызванные влиянием основного государственного языка в тех саамских диалектах, носители которых проживают в разных странах. В. Ляшев (Сыктывкар) указал на потребность в коми лингвистическом атласе. П. Лизанец (Ужгород) говорил об исследовании венгерско-славянских лексических связей в аспекте лингвогеографии.

Я. Пустаи (Будапешт) рассмотрел две сибирские изоглоссы (уральские, юкагирский, кетский, эскимосско-алеутский, чукотско-камчатские, нивхский языки): 1) сравнительные конструкции с аблативом или локативом, 2) управление глагола 'бояться' аблативом, лативом, локативом, номинативом.

Н. Брадеан-Эбингер (Будапешт) анализировала двуязычие и его социолингвистические аспекты в Фенно-Скандии. Э. Ванде (Упсала) сообщил об изучении взаимосвязей шведского и финно-угорских (финского, в какой-то мере эстонского и саамского) языков в Швеции. П. Зайков (Петрозаводск) дал обзор общих черт морфологии карельского и кольско-саамского языков. О вепсских и саамских лексических параллелях говорила Н. Зайцева (Петрозаводск).

Г. Берецки (Будапешт) рассмотрел контакты между финно-угорскими и тюркскими языками Поволжья и Прикамья. И. Добродомов (Москва) говорил о взаимодействии лексики финно-угорских, славянских и тюркских языков. А. Поповский (Днепропетровск) рассказал о венгерских заимствованиях в диалектах Южной Украины по письменным памятникам XVII—XX веков, Т. Кестюш (Гёттинген) — о венгерско-славянских контактах в XI веке на основе топонима *Osztopán*.

Г. Тираспольский (Сыктывкар) обратил внимание на роль финно-угорского субстрата в развитии севернославянской глагольной системы, И. Селюткина (Ново-

сибирск) — на самодийский и угорский субстрат в консонантизме североалтайских языков.

Ряд докладов касался контактов пермских языков с другими языками. К. Реден (Вена) рассмотрел иранские заимствования в пермском праязыке, которых насчитывается около 50. По мнению А.-Р. Хаузенберг (Таллин), коми поселились на своей нынешней территории значительно раньше (еще до н. э.), чем принято считать. Кроме археологических данных, это предположение подтверждает и тот факт, что прибалтийско-финское влияние в коми языке больше, чем в удмуртском. И. Тараканов (Устинов) изложил основные направления развития морфологической системы коми и удмуртского языков. Он констатировал близость удмуртской морфологии к морфологии татарского языка, в то время как коми морфология развивалась, используя внутриязыковые средства; лишь в некоторых случаях можно отметить незначительное русское влияние. Р. Насибулин (Устинов) рассмотрел татарские и русские параллельные заимствования в коми и удмуртском языках в сопоставительном плане.

В группе А секции истории финно-угорских (уральских) языков было заслушано 36 докладов. О. Ткаченко (Киев) познакомил с проблемами реконструкции вымершего мерянского языка, для которой он использовал встречающиеся в мерянском ареале субстратные слова русского языка, топонимы, фонетические черты. Установлены 24 фонемы мерянского языка (37 типов звуков), ударение, 11 падежей, фрагменты спряжения глагола 'быть' (**ul-/*jöl-*), некоторые инфинитные глагольные формы, примерно 100 слов, два фразеологизма. Мерянский язык имеет сходство с прибалтийско-финскими и волжскими языками, представляя собой переходную ступень от одних к другим, однако некоторые общие черты имеет он и с угорскими языками. Дальнейшее исследование зависит от выявления новых слов в русских диалектах и находок возможных языковых памятников.

К. Хяккинен (Турку) обратила внимание на основные методические проблемы финно-угорской этимологической науки. Она считает, что гипотеза языкового дерева основана на ошибочных и спорных аргументах. Докладчик между прочим

подчеркнула, что реконструированные формы не могут быть чистыми абстракциями; если они не отражают действительность своего времени, то значит они ничего не отражают.

М. Корхонен (Хельсинки) показал, что и в уральских языках архаические черты наилучшим образом сохранились на периферии, хотя в части языкового ареала они не выявляются из-за чужого влияния, поздних миграций и т. д. Много сходного в прибалтийско-финских и прасамодийских реконструкциях, принадлежащие другим уральским языкам тем больше отличаются от них, чем ближе к центру эти языки расположены. Д. Ласло (Будапешт) говорил о предистории финно-угорских народов. К. Майтинская (Москва) отметила, что в финно-угорских языках встречаются некоторые весьма древние проявления грамматической оппозиции одушевленности/неодушевленности. Б. Сербренников (Москва) анализировал коаффиксы в падежных окончаниях уральских языков. Т. Сейленталь (Тарту) рассмотрел формирование системы послелогов в уральских языках. Ю. Андуганов (Иошкар-Ола) предположил, что согласование в финно-угорских языках не возникло под влиянием извне, а уходит своими корнями в праязык.*

Несколько докладов было посвящено истории прибалтийско-финских языков. А. Баранцев (Петрозаводск) анализировал проблемы истории северной группы прибалтийско-финских языков. П. Алвре (Тарту) говорил о прибалтийско-финских местоимениях. В докладе А. Хакулинена и П. Лейно (Хельсинки) речь шла о проблемах реконструкции причастных конструкций. И. Койвулеhto (Хельсинки) дал анализ четырех ранних заимствований (*ikä* 'возраст', *is-tu* 'сидеть', *-itä* 'прорасти', *vilja* 'зерно'), которые происходят из индоевропейского диалекта, послужившего основой для германских, балтийских и славянских языков.

Я. Эломаа (Хельсинки) привел две возможные реконструкции иллатива единственного числа в саамском праязыке: 1) **-sen*, 2) **-sen* и *-jen*, которые могли представлять собой диалектные варианты. Г. Керг (Петрозаводск) говорил об этногенезе саамов. Он отметил, что в саамской лексике имеется субстратный слой, у которого нет соответствий ни в одном из

финно-угорских языков; базирующаяся на саамской субстратной лексике топонимия встречается вплоть до Коми края, саамская субстратная лексика имеет общие черты с тунгусской лексикой, что свидетельствует о восточном происхождении протосаамов. К настоящему времени саамы сформировались во взаимоотношениях с носителями прибалтийско-финских языков, от которых они в онежском регионе переняли языковые элементы. Ю. Лехтиранта (Хельсинки) выразил мнение, что у протосаамской гипотезы отсутствует надежная основа: разное антропологическое происхождение не означает обязательно разное языковое происхождение; среди считавшихся протосаамскими слов три имеют соответствия в родственных языках, некоторые не могут быть древнее, чем саамский праязык, поскольку содержат фонемы или комбинации фонем, возникшие в саамском праязыке; кроме того, в любом уральском языке можно найти столько же неэтимологизируемой основной лексики, как и в саамском.

Д. Цыганкин (Саранск) рассмотрел формирование склонения множественного числа в мордовском языке, М. Мосин (Саранск) — морфологическую структуру имени в мордовских и прибалтийско-финских языках.

А. Кюннап (Тарту) говорил об истории самодийских языков, особо выделив достижения последних лет в ее исследовании. Он указал, что новые данные требуют пересмотра некоторых общепринятых точек зрения, например, вызывает сомнения наличие двойственного числа на *-k в уральском праязыке, следует признать возможным существование прасамодийских послеложных конструкций наряду с местными падежами, Т. Микола (Сегед) анализировал возвратно-средний залог в северосамодийском языке. Э. Беккер (Томск) рассмотрела именную флексию в селькупском языке.

Е. Хелимский (Москва) привел некоторые языковые явления, до сих пор считавшиеся поздними, например, принадлежащими к прасамодийскому или праугорскому периодам, но которые можно реконструировать уже в прауральском, если они имеют соответствия вне уральской семьи языков. В. Иванов (Москва) говорил о сходстве праугорской и пратохар-

ской консонантных систем, которое проявляется в части как фонем, так и их комбинаций. В докладе Д. Синора (Блумингтон) речь шла о родстве уральских и алтайских языков. О саамско-тунгусских лексических параллелях доложил Э. Эрните (Тарту).

Во второй группе той же секции были обсуждены 44 доклада по лексике и ономастике. О. Востриков (Свердловск) посвятил свое выступление финно-угорскому субстрату в топонимии Приуралья. А. Матвеев (Свердловск) говорил о субстратной топонимии Северного Урала; он показал, что нынешнее население региона (ненцы, коми, манси) не изначально, оно ассимилировало какие-то более древние народы. А. Туркин (Таллин) сделал доклад об этногенезе коми народа, основываясь при этом на топонимах и лексике. Из доклада Н. Фролова (Тюмень) следует, что по данным топонимики, обские угры раньше занимали более обширную территорию.

Р.-П. Риттер (Западный Берлин) анализировал употребление ономастологических параллелей при этимологизации лексики уральских языков.

Ю. Тулдава (Тарту) привел результаты изучения роста и развития лексики эстонского языка при помощи лингвостатистических методов. Для этого просмотрены словари начиная с XVII века до нашего времени. Докладчик разработал специальный индекс для характеристики степени приближения словарей. О развитии лексики эстонского литературного языка в первой половине XIX века рассказала В. Кингисеп (Тарту). Т. Туоми (Хельсинки) рассмотрел проблемы, возникшие при статистическом исследовании лексики финского языка. Х. Лескинен (Ювяскюля) познакомил с изучением лексики связанных с «Калевалой» народных песен. Ю. Муллонен (Петрозаводск) говорила об использовании топонимов при изучении вепсской лексики. Э. Сий (Будапешт) и С. Таннер (Хельсинки) рассмотрели первую уральскую и вторую коми родственную лексику. В. Федотова (Петрозаводск) говорила о карельской, а Э. Якимова (Иошкар-Ола) — о марийской фразеологии.

Ю. Виск (Таллин) познакомила с возможностями использования банка данных словарей на базе соответствующей рабо-

ты, выполняемой в Институте языка и литературы АН ЭССР, Ф. Папп (Дебрецен-Будапешт) дал обзор использования вы-

числительной техники в венгерской лексикографии.

ВЯИНО КЛАУС (Таллин)

Поступившая в редакцию литература * *Publications received*

Редакция с благодарностью сообщает, что в ее адрес в 1985 г. поступили издания: The Editorial Board acknowledges the receipt of the following publications in 1985:

- Артемова А. Д., Семантика косвенных наклонений в мокша-мордовском языке. Автореферат, Москва 1985.
- Варе С., Характерные черты именной деривации эстонского языка, Таллин 1985 (Preprint KKI-19. Академия наук Эстонской ССР. Отделение общественных наук).
- Винкель А., «Калевала» и эстонская литературная мысль, Таллин 1985 (Preprint KKI-34. Академия наук Эстонской ССР. Отделение общественных наук).
- Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 4. Межвузовский сборник, Ленинград 1984 (Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова).
- Габова Т. Н., Синонимы в коми языке. Автореферат, Тарту 1985.
- Галкин И. С., Тайны марийской топонимики, Йошкар-Ола 1985.
- Гарипова Ф. Г., Татарстан гидронимары сүзләге, Казан 1984 (СССР Фәннәр Академиясе Казан филиалы).
- Гребнева А. М., Флористическая лексика мордовских языков. Автореферат, Тарту 1984.
- Игушев Е. А., Разговорная лексика коми языка. Учебное пособие по спецкурсу, 1982 (Сыктывкарский государственный университет им. 50-летия СССР).
- Коми-пермячко-русской словарь, Москва 1985 (Институт языкознания Академии наук СССР. Пермский государственный педагогический институт).
- Кузнецов В. В., Ойконимия бассейна реки Илеть Марийской АССР. Автореферат, Тарту 1985.
- Кяхрик А. И., Развитие и структура системы глагольного словоизменения в вепском языке (на материале южновепского диалекта). Автореферат, Тарту 1985.
- Марий филологий. Статья сборник (Марий государственный университет), Йошкар-Ола 1983.
- Метсланг Х., Система коммуникативных типов предложений в эстонском языке, Таллин 1985 (Preprint KKI-28. Академия наук Эстонской ССР. Отделение общественных наук).
- Нийт Э. П., Просодические характеристики диалектов эстонского побережья и структура балтийского просодического ареала. Автореферат, Тарту 1985.
- Ромбандеева Е. И., Вахрушева М. П., Мансийский язык. Учебное пособие для педагогических училищ. Издание второе, переработанное, Ленинград 1984.
- Рузанкин Н. И., Винительный падеж в мордовских и русском языках (соответствия и различия). Автореферат, Москва 1985.
- Ткаченко О. Б., Мерянский язык, Киев 1985 (Академия наук УССР. Институт языковедения им. А. А. Потебни).
- Тулдава Ю., Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики (на материале эстонского языка). Автореферат, Тарту 1984.
- Туркин А. И., Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики, Таллин 1985 (Preprint KKI-31. Академия наук Эстонской ССР. Отделение общественных наук).
- Ыйспуу Я. Х.-А., Система глагольного словоизменения в южнокарельских периферийных говорах. Автореферат, Тарту 1985.
- Юфкин Ю. С., Модели простого повествовательного глагольного предложения в мокшанском языке. Автореферат, Тарту 1985.
- Alhoniemi, A., *Marin kielioppi*, Helsinki 1985 (Apuneuvoja suomalais-ugrilaisien kielten opintoja varten X) (Suomalais-Ugrilainen Seura).
- Baker, R., *The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation*, Helsinki 1985 (MSFOU 189).
- Bibliographia Uralica. Soome-Ugri ja samojeedi keeleteadus Nõukogude Liidus* 1982, Tallinn 1984 (Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Keele ja Kirjanduse Instituut).